

С того самого дня положение Цю Линь стало еще более отчаянным. Одноклассники начали сторониться ее еще явственнее, а учитель пересадил ее с передних парт на самую последнюю.

Чтобы хоть как-то продержаться в старшей школе, она научилась еще усерднее угождать Сяо Я. Она делала все, что та прика[з]вала, и ежедневные поручения вроде походов в магазин стали для нее обыденностью.

Однако со временем Сяо Я, по-видимому, наскучила эта игра с поручениями, и она вместе со своей свитой начала развлекаться иначе.

В заброшенном спортзале за школой они тыкали в грудь и бедра Цю Линь острыми бамбуковыми палочками, били ее по спине и животу. Все ее тело покрылось густой сетью кровавых ран. Когда она, рыдая, молила о пощаде, они не останавливались — напротив, чем громче она плакала, тем сильнее они ее били.

Но они были весьма хитры: на лице, руках и голених Цю Линь, то есть на тех местах, которые были постоянно на виду, они никогда не оставляли следов. Ссадины и кровавое месиво были лишь там, где их скрывала одежда.

Иногда они доставали мусор из корзины, перемешивали его с едой и заставляли ее это съесть. Если она отказывалась и ее начинало рвать, они принимались колоть ее бамбуковыми палочками. А еще они надевали ей на голову мусорное ведро и фотографировали.

Они подсыпали в ее кружку и контейнер с едой порошок из грифеля карандашей и ластиковую крошку — именно поэтому у нее постоянно болел живот на уроках, и ей приходилось отпрашиваться в туалет. Поначалу учитель ее отпускал, но когда это стало происходить слишком часто, он начал отчитывать ее, спрашивая, чем она занималась на перемене, и больше не разрешал выходить.

Так продолжалось до одного дня. Для всех остальных это был самый обычный день, но для Цю Линь он стал особенным: Сяо Я собиралась перевестись в другую школу со следующего семестра.

Услышав эту новость, Цю Линь не знала, какое выражение лица принять, но понимала одно: она скоро станет свободна, она наконец избавится от этого демона.

Однако радость ее была недолгой. После уроков Сяо Я со своими подручными преградила ей путь и отвела в близлежащий отель.

Они достали из рюкзака ошейник и надели на Цю Линь. Заставили ее встать на колени, ползать кругами и лаять, как собака, заявив, что это особая игра, придуманная специально для проводов Сяо Я.

Сяо Я, глядя на Цю Линь, которая ползала по полу, опустившись до предела человеческого достоинства, была в восторге. Она достала телефон и начала снимать видео.

— Иди сюда, ха-ха, посмотрите на это, Цюцю, смотри сюда, смотри в камеру.

— Яя, посмотри на нее, умора! Прямо настоящая собака.

— Что ты такое говоришь? Она же человек. Цюцю просто выступает, чтобы порадовать меня. Мы должны поблагодарить ее за представление, давайте поаплодируем мастерской игре Цюцю.

Сяо Я, говоря это, опустила телефон и захлопала в ладоши, а остальные девушки подхватили.

— Ой, Цюцю, почему ты такая неблагодарная? Как только я тебя похвалила, ты сразу стала так плохо играть. У меня было такое хорошее настроение, а теперь наполовину испортилось, — недовольно произнесла Сяо Я, глядя на Цю Линь, которая опустила голову и плакала под звуки аплодисментов.

Как только Сяо Я закончила, одна из девушек схватила стоявшую рядом бутылку с водой и с силой ударила ею Цю Линь по спине.

— Дрянь, даже порадовать толком не можешь.

От удара Цю Линь повалилась на ковер. Она сжалась в комок, пытаясь унять боль. Девушки подошли к ней, схватили за волосы и заставили поднять голову.

Сяо Я покачала головой:

— Цюцю, ну почему ты не можешь просто подыграть? Посмотри, как ты всех расстроила.

— Яя, к чему тратить слова на эту дрянь? По-моему, она просто нарывается. Давай зададим ей жару, чтобы знала, как нам перечить.

— Верно, Яя, таким, как она, по-хорошему не объяснишь.

— Эх, я ведь не хотела, чтобы ты сегодня пострадала, Цюцю. Но раз ты так плохо себя вела, придется тебя проучить. Потерпи, как только мы выпустим пар, все будет хорошо.

Сяо Я махнула рукой, и девушки окружили ее.

В тот день Цю Линь избивали без остановки. Ее били по лицу, пинали в живот и голову,

колотили бутылкой по затылку, стегали бейсбольной битой по спине и волокли по всей комнате.

Но самое страшное ждало ее впереди: Сяо Я позвала нескольких парней. Их действия отличались от женских.

Они прижали Цю Линь к кровати и принялись бесстыдно унижать ее. Сяо Я и остальные стояли в изголовье и снимали всё на телефоны.

Сладкий смех и приятный голос девушки звучали в ушах Цю Линь, все плыло перед глазами. Зрение постепенно затуманивалось. Оказывается, в этом мире действительно есть люди, которые снаружи выглядят как ангелы, а в душе прогнили до самого основания.

Дом Цю Линь.

— Цю Линь, почему ты так поздно? — мать открыла дверь и, увидев насквозь промокшую дочь, поспешила затащить ее внутрь и побежала за полотенцем.

— Такой ливень, где ты была? Почему не взяла зонт? — обеспокоенно спросила мать, протягивая полотенце.

— Мам, я могу перевестись в другую школу? — спросила Цю Линь, крепко сжимая полотенце в руках.

— Перевестись? С чего это ты вдруг захотела? — мать недоуменно посмотрела на дочь.

— Нет, просто чувствую, что не схожусь с ребятами, в старой школе было лучше.

Цю Линь покачала головой и накрыла голову полотенцем, пряча лицо.

— Ты просто слишком замкнутая. Больше общайся с одноклассниками, и со временем все наладится. Я приготовила твою любимую свинину в красном соусе, иди поешь, — мать расставила тарелки на столе и поманила ее.

— Мам, правда нельзя?

— Цюцю, ты же знаешь, мы переехали сюда из-за повышения папы. Если ты захочешь вернуться в старую школу, тебе придется ехать одной, а мы с папой будем волноваться. Так что будь послушной, хорошо?

Мать вздохнула. Их Цюцю красивая, учится хорошо, слушается, но вот характер слишком замкнутый. Если бы она могла это изменить, было бы идеально.

— Я поняла.

Цю Линь почувствовала разочарование. Она ведь знала, что так и будет, зачем было спрашивать?

— Ну что ты, ребенок, почему сразу обиделась?

Мать вздохнула. Почему ей кажется, что характер у дочери становится всё хуже? Неужели из-за того, что попала в незнакомую обстановку?

— Нет, я не обижаюсь. Давай ужинать! — Цю Линь вытерла лицо полотенцем и, подойдя к столу, начала жадно есть.

Школьный стадион.

Цю Линь сидела одна на трибунах и беззвучно плакала, опустив голову.

— Одноклассница, ты в порядке? Помощь нужна?

Приятный мужской голос достиг ее ушей. Она подняла голову и увидела Юй Цзицзиня с салфеткой в руках. Она протянула руку и взяла ее.

— Спасибо.

— Не за что. Экзамены не задались? Или с друзьями поссорилась? Почему так плачешь?

Юй Цзицзинь сел рядом и мягко спросил.

— Нет, просто на душе тяжело, — она покачала головой. Она подумала, что Юй Цзицзинь, наверное, не знает, кто она такая, раз ведет себя так ласково.

— Плохое настроение... Не грусти, возьми конфету. После сладкого станет легче.

Юй Цзицзинь достал из кармана леденец и протянул ей.

— Спасибо тебе.

Цю Линь осторожно взяла конфету, стараясь не коснуться его руки. Она считала себя грязной, и такой чистый человек, как Юй Цзицзинь, не должен к ней прикасаться.

— Не за что.

— Цзицзинь, пошли! — крикнул издалика парень с мячом.

— Да, иду. Ну, я пойду, одноклассница. Пока. — Юй Цзицзинь поднялся и ушел вслед за позвавшим его парнем.

Цю Линь смутно слышала их разговор:

— Ты чего с этой Цю Линь из пятого класса сидел?

— Это была Цю Линь?

— Ну да, та самая, которую в пятом классе все ненавидят.

— Это дела пятого класса, какое нам дело до них? По-моему, она вполне нормальная.

— Ладно-ладно, ясно. Ты больше всего ненавидишь эти сплетни. Пошли, Ли Синь нас ждет.

У школьных ворот.

Цю Линь шла, опустив голову. По сравнению со снующими туда-сюда группами учеников, она, идущая в одиночестве, выглядела особенно чужой.

— Пошли, покажу тебе одно место.

Сяо Чжэннань внезапно возник у нее за спиной, схватил за руку и потянул в другую сторону. Дорога домой для Цю Линь была полна тени, а путь, куда вел ее Сяо Чжэннань, был залит солнечным светом.

Хотя это и зависело от положения солнца, для Цю Линь Сяо Чжэннань был тем, кто вывел ее из тьмы на свет. Он был ее божеством.

Юй Цзицзинь смотрел на убегающих вдаль двоих, в его глазах читались сложные чувства. Ему всегда казалось, что Сяо Чжэннань какой-то странный.

— Ты привел меня сюда не для того, чтобы просто показать это, верно? — Юй Цзицзинь посмотрел на стоявшего рядом человека.

Цю Линь улыбнулась ему и указала на пространство за его спиной. Юй Цзицзинь обернулся и увидел, как оживленная дорога превращается в узкий переулок.

Из переулка доносились мольбы девушки и брань мужчин. Тени на стене, отражавшие происходящее, заставили его застыть на месте.

Он не стал смотреть внутрь, а лишь пристально следил за тенями на стене, наблюдая, как они постепенно перестают сопротивляться, и как звуки борьбы затихают.

Спустя долгое время несколько мужчин, поправляя одежду и ругаясь, вышли из переулка. Главарь что-то смотрел в телефоне, извергая проклятия.

Прошло еще много времени, прежде чем из переулка вышла юная Цю Линь. Ее одежда была в лохмотьях, она вытерла лицо, в ее глазах застыла мертвая тишина. Она пошатывалась, оставляя за собой на земле следы белой жидкости вперемешку с кровью.

Внезапно Юй Цзицзинь почувствовал ослепительный свет, и окружающая обстановка изменилась.

— Сяо Я, это твоих рук дело?

Сяо Чжэннань швырнул документы на диван и потребовал ответа у Сяо Я. Та взяла бумаги, открыла их и через некоторое время с безразличной улыбкой произнесла:

— Я-то думала, что случилось, а это всего лишь такая мелочь.

— Мелочь? Ты понимаешь, что она собирается подать на тебя в суд? Если эти доказательства подтвердятся, вся твоя жизнь будет разрушена.

Видя безразличие сестры, Сяо Чжэннань прорычал.

— Так пусть подает! Не я же с ней это делала, чего мне бояться? К тому же, разве это не она сама потащилась к этим мужчинам? — Сяо Я встала с дивана и с усмешкой посмотрела на брата.

— Цюцю не такая, она очень чистая. Раньше, когда ты травила ее в школе, она мне ни слова не сказала, — Сяо Чжэннань покачал головой.

— Да! Твоя Цюцю такая чистая! Стоит тебе ее коснуться или взять за руку, как она краснеет. Может, мне стоило оставить ее «первый раз» для тебя, а потом найти кого-то другого... — Сяо Я осеклась.

— Хлоп!

Сяо Я не успела договорить, как получила пощечину от Сяо Чжэннаня. Она облизнула разбитую губу и безумно рассмеялась:

— Говорю тебе, лучше бы ты убил меня сегодня. Иначе в следующий раз, когда я возьмусь за нее, все будет куда серьезнее.

Сяо Чжэннань посмотрел на сестру холодным взглядом. Сяо Я окончательно вышла из-под контроля, и разговаривать с ней по-хорошему было бесполезно.

— К тому же, если бы она была тебе так дорога, ты бы не пришел ко мне с этими документами, чтобы допрашивать, а сразу предал бы мои преступления огласке. Похоже, она не так уж тебе и важна. Для тебя важнее, чтобы у Сяо Чжэннаня не было опозоренной сестры.

— Подумай хорошенько. Я свяжусь с родителями, пусть забирают тебя к себе.

Сяо Чжэннань вздохнул. Она была права: он действительно не мог позволить себе иметь сестру с такой репутацией, поэтому он сделает все, чтобы замять это дело и не допустить огласки.

— Нет, я не поеду! Брат, не надо! Я ошиблась, умоляю, не выгоняй меня, прошу!

Услышав, что ее отправляют прочь, Сяо Я сменила безумный смех на жалобный плач. Она вцепилась в брата, умоляя не отправлять ее обратно — она не хотела возвращаться в тот дом.

Сяо Чжэннань с силой разжал ее руки. В детстве ему нравилась эта сестра, потому что она была послушной — делала все, что он скажет. Но теперь Сяо Я изменилась, она больше не слушается, а значит, нет нужды держать ее подле себя.

— Сяо Я, я ведь говорил, что люблю послушных сестер. Ты теперь совсем не слушаешься. Посмотри, сколько проблем ты мне устроила, теперь мне приходится разгребать их за тебя. Так что будь паинькой и возвращайся, не зли меня, хорошо?

Сказав это, Сяо Чжэннань вышел из квартиры, оставив Сяо Я одну стоять посреди комнаты.

— Послушной? Какой толк быть послушной, если тебя все равно бросят? Все равно заставляют вернуться туда, куда ты сам не хочешь возвращаться, так с какой стати мне возвращаться туда?!

Сяо Я закричала и сбросила вещи со столика на пол. Она рухнула на диван, тяжело дыша, и уставилась на документы, оставленные братом.

— Раз мне плохо, пусть ей будет еще хуже. Перед отъездом я сделаю тебе прощальный подарок!

В гостиной горела лишь одна настольная лампа, чей тусклый свет, казалось, вот-вот поглотит тьма.

<http://bllate.org/book/20694/2067358>